

**University of
Zurich**^{UZH}

**Zurich Open Repository and
Archive**

University of Zurich
University Library
Strickhofstrasse 39
CH-8057 Zurich
www.zora.uzh.ch

Year: 2013

Iskusstvo 'na polke'. Ob istorii otnošenij dejatelej iskusstva i vlasti v raznykh stranach mira

Frimmel, Sandra

Posted at the Zurich Open Repository and Archive, University of Zurich
ZORA URL: <https://doi.org/10.5167/uzh-81360>
Conference or Workshop Item

Originally published at:

Frimmel, Sandra (2013). Iskusstvo 'na polke'. Ob istorii otnošenij dejatelej iskusstva i vlasti v raznykh stranach mira. In: Iskusstvo 'na polke', National Centre for Contemporary Arts, Moskau, 5 March 2013.

Суды над литературой и искусством

Сандра Фриммель

ГЦСИ Москва, 5-го марта 2013-го года

Приветствие

Сначала я хочу поблагодарить Государственный Центр Современного Искусства и в частности Иру Горлову за прекрасную возможность, после такого интересного доклада представить наш научно/исследовательский проект «Суды над литературой и искусством». Прежде чем начать, хотелось бы подчеркнуть, что меня очень интересуют Ваши мнения, потому что до сегодняшнего дня мы представляли наш проект только в немецкоговорящем контексте, а не в том, которого он больше всего касается, то есть в России. Так что если у Вас будут вопросы, я прошу их задать в любой момент и буду рада сразу на них ответить.

Проект «Суды над литературой и искусством»

Проект наш проводится в институте славистики при цюрихском университете и имеет довольно профанное рабочее название, как я уже сказала, «Суды над литературой и искусством». Мы – это глава проекта профессор Сильвия Зассе, литературовед Маттиас Майндль и я, Сандра Фриммель, по профессии искусствовед. Проект финансируется Швейцарским национальным фондом SNF, то есть, хотя мы являемся сотрудниками университета, финансирование мы получаем не прямо от университета, а от государственного научного фонда. В целом проект будет длиться три года, у нас теперь остался еще год до января 2014-го года.

Мы, как понятно по названию, занимаемся судебными процессами над писателями, издателями, художниками, кураторами и музеями и особо сосредотачиваемся на русской литературе и искусстве после перестройки, но принимаем во внимание и множество других международных процессов с начала 20-го века до сегодняшнего дня. Мы пользуемся такими судебными документами, как например обвинительными и экспертными заключениями, протоколами судебных заседаний и приговорами и на основе этого материала анализируем стратегии инсценировки судебных процессов, анализируем, как освящаются эти процессы в массмедия, чтобы в итоге понять стратегии обвинения и защиты, то есть, в чем именно упрекают художественные

произведения и их авторов и как защищаются обвиняемые писатели, художники и кураторы. В нашей работе мы всегда берем в качестве примеров самые показательные, выразительные процессы и рассматриваем их в национальном, в международном, и в историческом контекстах. Нас интересует, в том числе, какое значение имеет свобода искусства в разные времена, в разных странах и в разных политических системах. Другие важные вопросы заключаются в том, во-первых, какие пункты обвинения, когда и по какой причине имеют «конъюнктуру» и, во-вторых, как художественные практики влияют на законодательства или наоборот (когда, например, возник *appropriation art*, тогда пришлось переработать закон об авторском праве).

В качестве результата наших исследований мы собираемся составить двухтомный сборник материалов – как можно легко догадаться, один том будет посвящаться изобразительному искусству, другой литературе. Туда войдут около 25 коротких текстов описывающих самые интересные, на наш взгляд, судебные процессы 20-го и 21-го веков и эссе о самых острых вопросах, которые возникают тогда, когда свобода творчества сталкивается с законом. Но еще интереснее сегодня, наверное, конкретные наши суб-проекты, если можно их так назвать, которые мне Вам хотелось бы вкратце представить. Их три плюс один, плюс один потому, что четвертое исследование проводится не прямо в рамках нашего проекта «Суды над литературой и искусством», но тем не менее в институте славистики.

Суды на основании романов и повестей во второй половине 19-го века

В рамках одного из этих трех суб-проектов, Сильвия Зассе занимается судами после правовой реформы 1864-ого года на основании романов и повестей. Это некие театральные суды, которые ставились специально для студентов права, для будущих юристов, чтобы ознакомиться с новой правовой системой. Обвиняемыми являлись литературные персонажи, как например герой-убийца из *Крейцеровой сонаты* Толстого. Уже в начале 20-го века такие суды стали общественным событием и назывались «общественные литературные суды», в рамках которых обвинялись (причем в чем угодно) не авторы того или иного произведения, а персонажи самого романа или повести.

Изучение этого специфического сюжета, которое у нас пока еще мало развито, дополняется исследованием другого, весьма интересного феномена ранних советских времен – а именно агитсудов.

Агитсуды это пьесы, разыгрываемые как суды –, которые ставились примерно с 1917 года до начала 1930 гг. Они устраивались как мероприятия культурной революции с целью гигиенической, моральной и политической пропаганды среди малокультурного и часто неграмотного населения. По большому счету это была пропаганда новой советской морали. Так же, как и в более поздних показательных процессах, создавался внутренний враг народа, например в лице алкоголика или знахарки. Но это были не реальные преступники, а сыгранные актерами-любителями обобщенные социальные типажи, которые отвечали не за свои проступки, а за пороки старого режима, мешающие строительству новой жизни. Агитсуд это моральный суд.

Одна наша цюрихская коллега, Джанна Фрёлихер, уже написала дипломную работу о роли свидетелей в агитсудах, для чего она нашла свидетельства о десятках таких агитсудов в разных библиотеках, а в данный момент она работает над диссертацией о других аспектах агитсудов. Это, собственно, и есть наш суб-проект «плюс один». Мы считаем, что изучение таких исторических феноменов нам много объяснит о сегодняшних процессах, которые отличаются именно своей театральностью, своей «волей к инсценировке», если можно так сказать.

Суды над литературой

Мой коллега Маттиас Майндль занимается сегодняшними судебными делами – и я специально не говорю «процессами» – над писателями и литературными произведениями, в том числе над Владимиром Сорокиным и Баяном Ширяновым, которых обвиняли в «незаконном изготовлении и распространение порнографических материалов», Сорокина за его роман «Голубое сало» и за рассказы «Свободный урок» и «Санькина любовь», Ширянова за трилогию «Пилотажи». В исследование Маттиаса также входит дело Виктора Ерофеева, которого за роман «Энциклопедия русской души» обвиняли в «возбуждение ненависти либо вражды по признакам национальности и отношения к религии». Что касается судебных дел в области литературы, то самый интересный момент заключается в том, что ни одного писателя или издателя пока еще не судили или приговорили к какому либо штрафу. Писателей и

издателей пока всех либо оправдали, либо суд вообще отказал в иске. Поэтому Маттиас сначала занимается вопросом явно разных статусов в русском обществе и культуре литературных произведений и произведений изобразительного искусства, чтобы затем противопоставить сегодняшние, то есть постсоветские процессы, процессам советского времени, в основном в 60-ых годов, например над Иосифом Бродским (1964) или Андреем Синявским и Юлием Даниэлем (1966). Ключевой тут момент – это значение и определение самого обвинения в порнографии, то есть вопрос, до какой степени советское обвинение в порнографии совпадает с сегодняшним обвинением в порнографии. Для этого мой коллега сначала внимательно исследовал значение советского обвинения в порнографии. В ходе этого исследования выяснилось, что порнография – это гораздо больше чем только эротические или открыто сексуальные мотивы, это в итоге все, что представляется или описывается как не в соответствии с нормами. Это может быть, помимо действительно сексуальных мотивов, мат или же «неприемлемые» в кавычках образы политиков или представителей милиции или армии.

На данный момент проведенный Маттиасом Майндлем анализ показывает, что советское обвинение в порнографии очень похоже на сегодняшнее, то есть и сегодня под порнографией понимаются самые разные образы, которые не соответствуют (самым разнообразным) нормам, какие бы эти нормы ни были...

Суды над искусством

Тот проект, о котором я могу Вам рассказать больше всего, это, конечно, мой собственный проект, моя диссертация о процессах над искусством, над художниками и кураторами в России после перестройки. В центре моего внимания процессы над выставкой *Осторожно, религия!* с 2003-его до 2005-ого года и над выставкой *Запретное искусство 2006* с 2007-го до 2010-ого года, чьи организаторы обвинялись в «возбуждение ненависти либо вражды по признакам национальности отношения к религии» и в итоге получили денежный штраф. Помимо этих главных процессов я включаю и множество других судебных дел, начиная с дела над художником-перформансистом Авдеем Тер-Оганьяном в 1999-ом году, над художником-режиссером Олегом Мавроматти, над выставкой *Россия 2*, над Александром Савко и т.д., которые я рассматриваю всегда на фоне ряда других международных процессов.

Моя работа делится на две части, это, во-первых, основная часть о том, как роль и функция искусства в обществе определяются в судебном зале, то есть, еще проще говоря, какими словами в судебном зале говорят об искусстве. Тут важны два момента – это, во-первых, стратегии защиты и обвинения и, во-вторых, представление о том, что такое «настоящее» в кавычках искусство. Вкратце расскажу об основных стратегиях обвинения и защиты. Очень важно заметить, что сторона обвинения обвиняет на самом деле не только самих организаторов выставок или художников, но вместе с ними и все современное искусство как течение, как таковое. В принципе, во всех делах идет речь о том, что современное искусство «посягает на нормы общественной нравственности» и таким образом разрушает традиционную картину мира. Далее, обвиняющая сторона говорит о том, что современное искусство «совмещает несовместимое», то есть сакральные и профанные образы. Она упрекает современное искусство в том, что оно не является настоящим искусством, потому что ни техники, ни его «недолговечные материалы» не соответствуют академическому канону. Защита на эти упреки реагирует по-разному. На обвинение в разрушение картины мира она объясняет, что это его право, что именно это и является задачей современного искусства. На обвинение в совмещение несовместимого она реагирует так же и настаивает на том, что именно это совмещение несовместимого и есть право современного искусства. На обвинение в использование недолговечных материалов сторона защиты, к моему удивлению, ни как особо не реагирует, но пытается доказать, что современное искусство тем не менее есть «настоящее» искусство, потому что оно вписывается в художественные традиции начиная с Рафаеля и Веласкеса до Марселя Дюшана.

Если сравнить эти стратегии обвинения и защиты, которые я сегодня только совсем коротко могла затронуть, с международными процессами над художниками и кураторами в течение 20-го и 21-го века в разных странах, например в Германии, в Австрии, во Франции, в США или в Польше, то становится очевидно, что именно эти же стратегии используются всегда, во всех случаях, когда искусство обсуждается перед судом. То же самое можно сказать о представлении о «правильном» и «настоящем» искусстве. У обвинения есть – не только в России сегодня, но и в ряду других странах – сугубо традиционное, часто религиозное и в большинстве случаев довольно консервативное, академическое представление о настоящем искусстве. У

защиты, наоборот, на самом деле нет четкого представления о таком настоящем искусстве. Защита, скорее всего, защищает свободу – чтобы не сказать «вседозволенность» – искусства.

Из этого следует, и таков мой главный вывод из проведенных на данный момент анализов судебных документов, что русские постперестроечные процессы мало отличаются от международных процессов над кураторами и художниками во всем, что касается именно стратегий защиты и обвинения и что касается представлений о правильном искусстве. Даже уголовные статьи, по которым обвиняют, одинаковы. Совсем по-другому представляется ситуация когда речь идет о стратегиях инсценировки. В отличие от международных, русские процессы отличаются своей «вольей к инсценировке», как мне это хотелось бы называть. Суд – это по определению своего рода спектакль, в котором у каждого участника своя роль. Но русские процессы идут гораздо дальше этой обычной «судебной драмы», как юристы это называют. Русские процессы – это чистый спектакль. Противники обвиняемых использовали судебный зал как сцену, применяя театральные средства вместо юридических. Оскорбленные верующие приглашались принять участие в процессах в качестве свидетелей, что сильно напоминает телевизионный кастинг. В интернете можно было найти образец письма, которое будущие свидетели отправляли в прокуратуру, чтобы доказать, насколько они себя чувствуют «униженными и оскорбленными». В суде свидетели получали бумагу с текстом самого показания, так что ответы на вопросы прокурора и адвокатов они зачитывали со шпаргалки. Да и публика, в основном сторонники обвинения, живо и с воодушевлением комментировала происходящее на сцене. Из этого короткого описания театральных методов обвинения становится ясно, что русские постперестроечные процессы в области изобразительного искусства отличаются и различаются своей театральностью, которая в других мною исследуемых международных процессах не встречается.

В мои планы, помимо этого сравнительного анализа, входит также и сравнение сегодняшних русских процессов с ранними советскими агитсудами, с показательными процессами и с процессами 60-ых годов. На основе такого исторического противопоставления я надеюсь выяснить, где лежат исторические корни, основы

сегодняших процессов, в чем они сопоставимы с показательными процессами, как пишут многие, и в чем заключаются их различия.

Благодарю Вас за внимание и жду Ваших вопросов.